

Из писем к Б.Штерну

Борис Стругацкий

SHOUT **IT**
SHARE

- Борис Стругацкий

- 24.09.71
- 20.01.72
- 5.04.72
- 6.08.72
- 2.11.72
- 28.12.72
- 8.02.73
- 7.03.73
- 3.06.73
- 22.10.73
- 3.12.73
- 29.01.74
- 11.02.74
- 28.05.74
- 23.08.74
- 29.08.74
- 17.12.74
- 9.02.75
- 4.03.75
- 18.04.75
- 22.07.75
- 25.08.75
- 12.11.75
- 23.12.75
- 3.02.76
- 11.03.76
- 12.05.76
- 22.07.76
- 11.09.76
- 30.10.76
- 9.01.77
- 15.04.77
- 7.06.77
- 9.08.77
- 3.01.78
- 8.02.78
- 1.03.78
- 16.03.78
- 4.04.78
- 29.09.78
- 9.01.79
- 11.04.79

- ☐ 17.07.83
- ☐ 24.08.83
- ☐ 11.05.84
- ☐ 13.03.85
- ☐ 3.09.85
- ☐ 29.04.86
- ☐ 22.11.86
- ☐ 5.05.87
- ☐ 29.07.87
- ☐ 8.09.89
- ☐ 1.03.92
- ☐ 5.07.92

Борис Стругацкий
Из писем к Б. Штерну

Уважаемый Борис Гедальевич!

Роман Ваш я получил и прочитал. Надо сказать, Вы меня приятно удивили. То, что обычно присылают начинающие нашему брату-писателю, как правило, не лезет ни в какие ворота. Я же от Вашего романа, как Вы и надеялись, получил «несколько приятных минут».

У Вас несомненно есть способности. Роман в общем получился. Не знаю, какую Вы ставили перед собою цель, но то, что вышло из-под Вашего пера — очень милая вещь для среднего и старшего школьного возраста, да и взрослый прочтет ее не без приятности. Написано живо, энергично, легко, весело, и если снять с романа тонкий, но явный налет этакой разухабистости, переходящей в пошловатость, убрать стилистические огрехи, вычеркнуть бородатые анекдоты, ввести почти на всех страницах сухой закон (за исключением тех мест, где выпивка обоснована требованиями сюжета), а также привести употребление глагола «класть» в соответствие с нормами русского литературного языка (у Вас везде — «ложу», «ложить» и т. д.) — в этом случае я лично готов бы был походатайствовать в каком-нибудь издательстве за Ваш роман. В своем нынешнем состоянии он представляет собою некую заготовку, чушку, так сказать, необработанный и неошлифованный алмаз, и работа над ним предстоит еще немалая.

Так что поздравляю Вас с открытием у Вас литературных способностей, рекомендую Вам не бросать литературу, пробовать еще и еще. Сейчас у меня, к сожалению, совсем нет времени для подробного анализа Ваших огрехов, и я смутно представляю себе, когда это время появится. Попробуйте отнести Ваше детище в какое-нибудь издательство в Одессе. Вам наверняка откажут, но добросовестный редактор, буде такой найдется, должен был бы мотивировать причины отказа и ткнуть Вас носом в недоделки. Это могло бы пойти на пользу и Вам, и Вашему роману.

С самыми добрыми пожеланиями, Ваш Б. Стругацкий

Уважаемый тов. Штерн!

Мне рассказали о Вашем звонке. Сейчас я очень занят и не мог написать Вам сразу.

Положение с Вашей рукописью не обещает ничего хорошего. Второй вариант я получил от Вас давно, просмотрел его, нашел его значительно улучшившимся и неофициально дал его прочесть одному знакомому редактору и одному знакомому литературному критику. Литкритик, как ему и полагается, рукопись разругал, назвав ее подражанием Шекли (доля истины, надо сказать, в этом есть), а что касается редактора, то он более миролюбив, но никаких практических мер не предложил. Впрочем, я и без него знал, что устроить сейчас в Ленинграде рукопись фантастической повести, да еще иногороднего автора, практически невозможно. Я, честно говоря, надеялся на что-то вроде чуда, на какую-нибудь счастливую случайность. Однако, ни чуда, ни случайности не произошло.

Дорогой Борис!

Спасибо за доброе письмо. Такие письма очень полезны нашему брату-писателю: они поддерживают тонус и создают ощущение нужности и незрности писательского существования.

Мне трудно сейчас сформулировать какие-то определенные сюжеты по «Лунапарку» — я основательно подзабыл его. И потом у меня совершенно четкое ощущение, что в профессиональном плане я, пожалуй, и не смог бы больше ничего посоветовать. Явные недостатки практически устранены, а то, что там еще осталось недоброкачественного (на мой взгляд) составляет уже Ваш УРОВЕНЬ. Иначе говоря: все, что резануло бы ухо ЛЮБОМУ человеку (писателю, редактору, критику) со вкусом, Вы убрали; начиная с этого момента любой совет Вам будет уже базироваться на личном представлении советующего, что такое хорошо и что такое плохо, то есть начнется вкусовщина. Конечно, Вам придется учитывать и такого рода советы, но это надо делать только в том случае, если от вкуса советчика зависит какой-то практический результат — например, опубликование.

Мой главный совет Вам (по-прежнему): пишите рассказы. Пишите, размножайте и один экземпляр посылайте мне. А я (если рассказ мне понравится) буду уже ждать случая сунуть его в какую-нибудь внезапно освободившуюся щель какого-нибудь редакционного портфеля.

Очень советовал бы Вам, собрав папку рассказов, как-нибудь лично выбраться в Москву и посетить изд-во «Молодая гвардия» (я мог бы дать рекомендательное письмо). Этот визит, может быть, и не дал бы непосредственного результата, но знакомство было бы завязано, а в нашем писательском деле, хорошо это или плохо, знакомства играют первостепенную роль.

Все эти советы есть результат многолетнего опыта, а не теоретических умозаключений.

По поводу главного вопроса Вашего — об испанской фантастике — к сожалению ничего толком ответить не могу. Насколько мне известно, ХОРОШЕЙ фантастики на испанском не существует. В Латинской Америке сейчас работает несколько прекрасных писателей — Кортасар, Маркес, Сильва — но это настоящие реалисты в лучшем смысле этого слова, и «чистой» фантастики они не пишут. Я знаю только одного латиноамериканского фантаста — его фамилия Буш, и некогда он был президентом Доминиканской республики. Несколько его рассказов переведено на русский, кое-что я видел на английском, а на испанском — ничего. Наверное, есть кто-нибудь в Испании, фантастику там вообще печатают (например, опубликовали перевод нашей «Страны багровых туч»), но кто, сколько, каковы? — ничего не знаю.

Где официально достаются оригиналы? — спрашиваете Вы. Отвечаю нигде. Каждый переводчик в меру своих сил и способностей раздобывает книжки в пестрых глянцевах обложках, на свой страх и риск переводит и несет в редакцию, где, как правило, перевод отклоняют. Обычно оригиналы привозятся из-за рубежа случайными людьми, а потом через много рук попадают переводчику. Иногда, если повезет, можно купить томик в Старой Книге. (В Ленинграде такой магазин есть рядом с Академкнигой, на Литейном проспекте в одной остановке от Невского.) Пишите мне, когда Вам захочется и о чем захочется. Письма Ваши читать интересно, и я буду рад получать их, но сам-то я писать письма не любитель, так что не посетуйте, если ответы мои будут суховаты и сугубо конкретны.

Желаю Вам всего наилучшего, а — главное — того терпения и упорства, которое почему-то называется вдохновением.

Дорогой Борис!

Письмо Ваше получил и при этом так удачно, что могу ответить немедленно. (Не надо пока никуда бежать, ехать, звонить и вообще трепыхаться в волнах житейского моря. Отдых. Релаксация.) Рад, что Вы покончили с армией и вернулись к мирному созидательному труду. Замыслы Ваши очень мне импонируют, желаю успехов от души, а замысел романа — так просто превосходен: завидую, ей-богу. Вижу массу возможностей порезвиться на смыслах. Знаете: правильно поставленный вопрос — это половина ответа. А хорошо придуманная ситуация — это половина романа. Так вот Вам посчастливилось наткнуться, как мне кажется, именно на такую хорошо придуманную ситуацию. Давайте, давайте! И да поможет Вам бог. (Впрочем, уже ясно, что публикация такого романа встретит известные трудности. Но сие от нас не зависит.) Спасибо за добрые слова по поводу «Улитки». Хотя, конечно, читать ее надо целиком, чтобы получить право судить по-настоящему. Ладно, попытаюсь что-нибудь придумать. Сейчас у меня нет ни одного экземпляра рукописи, но ведь будет же когда-нибудь! Вот тогда я Вас и вспомню.

По поводу нашего романа в «Неве» могу Вам точно сказать: липа. Никогда они у нас ничего не просили и ничего печатать не собирались (до сих пор еще не могут оправиться от фитиля, полученного за опубликование «Острова»). Просто позвонили и сказали: «Вы знаете, Б. Н., мы тут в Литературку дали, что ждем вашего нового романа. Вы не возражаете?» — «Конечно, нет», — грустно ответил я, потому что такая публикация давала мне хоть тень возможности, а в нашем положении и тень пригодится. Вот «Юность», та, действительно, просила у нас что-нибудь и заранее сообщила, той же Литературке, что «рассматривает». Мы дали туда «Лебедей», получили через месяц отказ и дело увяло.

Вот пока и все. Желаю удачи и вдохновения, которого, впрочем, по-моему, не бывает.

Ваш Б. Стругацкий

К Аркадию Львовичу, конечно же, обратитесь. Я с ним не знаком, но читал его рассказы и слышал о нем хорошее от Аркадия. Судя по всему, это вполне порядочный человек. И писатель талантливый. Адреса его почему-то нет в писательском справочнике (может быть, он не член СП?), но я могу попытаться узнать этот адрес у Аркадия. Напишите мне, если не найдете сами.

Как быть с публикацией в газете. Вопрос, прямо скажем, нелегкий. Я могу придумать только два выхода, которые мне кажутся достойными. 1. Публиковать не повесть, а отрывки из повести — отдельные главы (самые интересные) или даже куски из глав, но куски цельные. 2. Опубликовать сокращенный вариант повести, но сокращение производить самому, не отдавать этого важного и деликатного дела газетным пиратам. Мы с Аркадием, бывало, поступали и так и эдак, но без всякого удовольствия — деньги жалкие, славы никакой, одно расстройство. Но для Вас немаловажно напечататься, хотя бы и таким способом. Видите ли, у нас можно сделаться писателем только так: либо вам повезет, вы опубликуете что-то хорошее и в хорошем издательстве, и тогда вторую вещь пробить станет сразу легче; либо вы пройдете весь путь молодого литератора — пристроитесь в группу молодежи при местном СП, будете регулярно ходить на заседания, покорно выступать по телевидению, читать отрывки на разных встречах с читателями и т. д. Тогда вас будут опекать, всовывать в какие-нибудь сборники молодых и со временем даже организуют вам персональный сборник. Вот нам, например, повезло. Мы попали в струю — в Эпоху Расцвета Фантастики. Но я знаю вполне приличных писателей, которые прошли и второй путь. Например, Варшавский и Ларионова в Ленинграде, Григорьев и Биленкин в Москве. Правда, для некоторых этот путь оказался коротким (Варшавский), а некоторые и до сих пор не члены Союза, но печатаются они все и теперь уже сами, потому что завели знакомства в издательствах и редакциях, заработали себе имя. Поэтому я и рекомендую Вам начинать с рассказов. Рассказ легче опубликовать.

Дорогой Борис!

Отвечаю с опозданием, потому что болел да и сейчас еще болен, но уже встаю.

Рассказы Ваши хороши. Молодец! Мне ведь присылают довольно много рукописей, и теперь я могу сказать с полной определенностью: Ваши — лучше всех.

Конечно, много еще шероховатостей.

Кое-где изменяет вкус. Что-то растянуто, что-то, наоборот, зажато, но!

Но есть:

1. Талант. 2. Самостоятельность. 3. Отличные стилистические находки.

Все это, конечно, ни к чему не обязывающая болтовня. Но я обещаю Вам: как только оклемаюсь, сразу же понесу Вашу папку Брандису и Дмитриевскому. Они сейчас составляют два сборника фантастики — один для Лениздата, второй для Лендетгиза. Ничего обещать не могу, но буду всячески рекомендовать.

Продолжайте работать!

Рассказы Ваши передал на рассмотрение Брандису только 5-го — до этого нам никак не удавалось встретиться по разным причинам. Позвоню ему, чтобы узнать мнение, числа 12-15-го. Потерпите. Положение в Ленинграде сейчас таково. Есть три места, на которые можно теоретически (повторяю: теоретически) рассчитывать. Сборник ф-ки в Лениздате (готовит его Дмитриевский). Сборник ф-ки в ЛенДетиздате (готовит Брандис). Журнал «Аврора» (молодежный, время от времени печатает ф-ку). Главное препятствие: «муниципальный патриотизм» — «ленинградские издательства — для ленинградцев». Так сказать, издательский вариант известного лозунга «Геть, жида и москаля!». Если бы Вы были ленинградцем, для успеха достаточно было бы, чтобы Ваш рассказ понравился составителю. В нашей конкретной ситуации этого мало. Рассказ должен понравиться составителю настолько, что он (составитель) готов будет драться с издательством, отстаивая глубоко чуждые и сомнительные права Одессы. Поэтому повторяю снова и снова: заранее смириться с неудачей.

Отвечаю на Ваши вопросы. Сейчас во всех издательствах СПРОС есть только на одну тему: «Рабочий класс». Все остальное идет лишь постольку поскольку. В СССР есть только два журнала, которые печатают ф-ку более или менее регулярно: «Техника — молодежи» и «Знание — сила». Оба журнала предпочитают (от греха подальше) либо отечественную ТЕХНИЧЕСКУЮ, либо переводную литературу этого жанра. Оба журнала окружены жадной толпой старых заслуженных авторов, а равно и молодых напористых халтурщиков, точно знающих, на какой стороне у бутерброда масло. В оба журнала писатель Вашего типа может пробиться лишь случайно и с малой вероятностью. (И тем не менее, советую попробовать — хуже не будет, а лучше — может быть.) В СССР я знаю только три редакции научно-фантастической литературы: в изд-ве «Молодая Гвардия»; в изд-ве «Детская лит-ра» (Москва) и изд-ве «Детская лит-ра» (Ленинград, филиал). Спрос на ф-ку во всех трех редакциях последние годы неуклонно падает. И конечно, там тоже есть свои старые заслуженные авторы, которых — в первую очередь, и свои молодые напористые халтурщики, которые пристально стерегут малейший шанс. Самая подходящая для Вас (как для писателя определенного типа) редакция — в «Молодой Гвардии». Но именно там сейчас с ф-кой особенно плохо. (И тем не менее, когда и если Вы соберете десяток-другой рассказов в этакий

сборничек, посылать его Вам надо будет в первую очередь именно в «Молодую Гвардию»; обещаю Вам в этом случае рекомендательное письмо, но шансы будут ничтожны, если Вы к этому времени не сумеете опубликовать хоть где-нибудь хотя бы три-четыре рассказа.) А пока придется Вам писать в пустоту. Стисните зубы. Пишите. Вода камень точит. Все равно Вы обязаны писать, раз уж судьба дала Вам талант.

Получил Ваше письмо с рассказом о Барбосе. Спасибо за россыпь теплых слов. «Пикник» и с нашей точки зрения получился довольно удачно (скажем, на «четверку», если считать, что «Отель» на тройку, а «Улитка» на пятерку). В «Авроре» там повесть основательно поковеркали — то есть, это с авторской точки зрения — основательно, читатель, очень возможно, ничего и не замечает. Но «Авроре» приходится многое прощать — вот и сейчас они снова заключили с нами договор, единственная редакция в СССР! Будем писать новую повесть. Уже сейчас видно, что писать будет трудно — и сюжет не простой, и фон для нас необычный. Ладно — бог не выдаст, свинья не съест.

Что касается Вашего рассказа, то он очень мил, но, к сожалению, основной сюжетный поворот его не является новым — я читал очень похожий в этом смысле рассказ какого-то американца.

Дорогой Борис!

Долго не отвечал Вам потому, что почти не жил дома. С самого начала августа не пробыл дома в общей сложности и десяти дней: отпуск — Москва — Польша — снова Москва, и вот вчера только прибыл наконец и берусь за накопившиеся долги.

Ну, прежде всего, Вас, естественно, интересует судьба рассказа в будущем ленинградском сборнике. Сразу отвечаю: ничего нового. Лежит гора рукописей, ее будут сокращать раза в три, но за счет кого — неизвестно. Спешить некуда, над ними не каплет, под них не подтекает. Остается одно: ждать и надеяться. И, натурально, надеясь на лучшее, ожидать худшего.

Очень Вам сочувствую. Кризис Ваш имеет в своей основе именно тоску от невозможности публиковаться. Уверяю Вас, если бы Ваши рассказы шли, Вы бы и знать ничего не знали о кризисах — писали бы как бешеный. А когда в подсознании (да и сознании — тоже) сидит эта потайная мыслишка: «Для кого стараешься?» — вот тут-то они, эти кризисы, и разыгрываются. Все это мне очень хорошо знакомо, и спасения от этого никакого нет, разве что в самой работе, а как работать, если кризис? Порочный круг. Приходится его рвать. Помучаешься-помучаешься да и разорвешь. Так и живем.

Хотите попробовать работать в соавторстве? Дело хорошее. Методик такой работы существует несколько. Мы, кажется, испробовали их все. Наш опыт позволил нам сформулировать следующий фундаментальный принцип: результат тем лучше, чем больше доля работы проделана в непосредственном контакте соавторов. Иначе говоря: все делать вместе. Обдумывать идею — вместе. Разрабатывать сюжет — вместе. Составлять подробный план — вместе. Писать черновик — вместе. Править черновик — вместе. Писать чистовик — вместе. Все вместе. Никаких этих глупостей: «Ты составляешь план, я составляю план, потом сравниваем и выбираем лучшее»; или: «Ты пишешь все четные главы, а я все нечетные...» или: «У тебя лучше получаются диалоги, а у меня — описания, так вот давай, ты будешь...» и т. п. Обдумывать идею, разрабатывать сюжет и составлять подробный план вместе — это одно удовольствие. Собственно писать — тут дело хуже. Нужна привычка; нужно усилие воли, чтобы преодолеть смущение и стесненность; нужна взаимная терпимость, иногда поистине безграничная. Впрочем, мне приходилось работать в соавторстве не только с Аркадием, и у меня создалось впечатление, что если собираются вместе люди с

юмором, уважающие друг друга и симпатизирующие друг другу — дело пойдет. Сам процесс писания состоит из последовательного предложения и обсуждения фраз. Один предлагает, другой либо принимает сразу, либо вносит поправки, либо предлагает свой вариант. Не разрешается отвергать вариант соавтора без объяснений причин. Не разрешаются аргументы типа «Нутром чую, что это не годится!..» или «Не годится потому, что не хватает чего-то этакого... не знаю как выразить... в общем — не хватает...». Наконец, категорически запрещается отвергать, ничего не предлагая взамен. В спорных случаях, когда оба соавтора предложили свои фразы, обосновали их и не могут найти компромисса, из кармана достается пятак и проблему решает жребий. В таком вот плане.

Дорогой Борис!

Вы жалуетесь на кризис. Не надо. Кризис — это, в общем, хорошо. Что-то вроде боли в мышцах после усиления физических упражнений, — больно, неприятно, иногда мучительно, но зато это означает, что мышцы крепнут и ты становишься сильнее. У бездарностей кризисов не бывает, они знай себе гонят листаж. Утешение кажется слабым, но ведь все это и на самом деле так. Мы пережили за без малого 20 лет работы два кризиса, сейчас сидим в третьем и — ничего. Правда, нынешний кризис — явление внешнего порядка, явление искусственное. Не то чтобы мы не могли и не хотели писать по-старому (и можем, и хотим), — а не дают, не пускают писать по-старому. Приходится искать новую форму не от внутренней потребности, а под внешним давлением. Вот это — по-настоящему неприятно. К сожалению, у Вас, вероятно, имеют место кризисы обоих родов сразу, а потому — приходится разбираться, какие мучения проистекают от желания писать лучше, а какие — от желания напечатать хоть что-нибудь. Терпите. У Вас еще довольно много времени впереди — полвечности.

Теперь о режиме. Для нас идеальный режим выглядит так: полмесяца работы вдвоем, полмесяца абсолютного безделья, и так — круглый год за вычетом двух — двух с половиной летних месяцев. При этом работа должна быть на изнурение, а безделье должно быть — до отвращения (чтобы захотелось работать). Практически получается только первая часть программы — работать до изнурения. Полного безделья не получается (особенно в последнее время), потому что все время набегает какие-нибудь делишки — то сценарий приходится кропать с режиссером в соавторстве, то статейку какую-нибудь, то вычитывать верстку (вот омерзительное занятие!), то писать какие-нибудь рецензии, то читать какие-нибудь рукописи, то сидеть на семинарах. Опять же никуда не денешься и от так называемой личной жизни с болезнями, двойками по геометрии, вызовами в директору школы, неприятностями на работе у жены и друзей, текущими потолками, трескающимися обоями, насущной необходимостью купить то, се, пятое и десятое — а в условиях относительного и абсолютного обнищания большинство этих заботишек и проблемок преобразуется в Заботы и ПРОБЛЕМЫ, голова оказывается забита чепухой, и когда приходит время работы, оказывается необходимым тратить день, два, три (из пятнадцати, черт побери, всего лишь из пятнадцати,

на большее не хватает дыхания!) на раскачку, очищение духа и идейное просветление. Я не говорю уже о спорадически возникающих неприятностях в издательствах, когда оказывается, что «это нам, знаете ли не подойдет... да, конечно, договор... но вы нам что-нибудь другое напишите, что вам стоит, а?». И уж я совсем не говорю о пароксизмах идеологической лихорадки, когда со страхом раскрываешь газету, со страхом берешь телефонную трубку и вообще хочется залезть в унитаз и спустить за собой воду. Вот Вам и годовой режим. Но Вы знаете, Борис, как-то ко всему этому привыкаешь, приспосабливаешься, и оказывается, что жить все-таки можно, стоит и даже хочется — просто коэффициент полезного действия оказывается не сорок процентов (в соответствии с теорией идеального режима), а процентов 25–30, что, кстати, тоже неплохо.

А Вам я бы посоветовал такой режим: на протяженности недели не пишите ничего, а в воскресенье садитесь и давите из себя сразу страниц 10–15.

Расписывать мне прелести Одессы не надо. Я приложу все усилия, чтобы следующим летом вообще никуда не ездить — хочу валяться на диване и читать Дюма, голый и потный.

Дорогой Борис!

Спешу Вас порадовать. Ваш рассказ («Фокусник») сделал еще один шаг в нужном направлении. Теперь он довольно прочно вошел в сборник, и понадобится достаточно неблагоприятное сочетание обстоятельств, чтобы он оттуда вылетел. Во всяком случае, редактор уже не возражает. Остается, конечно, еще достаточное количество экземпляров, и на каждой может прийти капут, но, пожалуй, главную инстанцию Вы уже прошли.

Не обошлось, конечно, без потерь. Редактор потребовал, чтобы:

1. Была выброшена линия проводника-милиционера («а то получается непонятно, когда что кто говорит»), 2. Были категорически упразднены спиртные напитки, женихи, свадьбы и пр.

3. Было произведено сокращение вообще.

Поразмыслив, я решил, не затягивая дела, на все это пойти. И пошел. Рассказ сокращен страниц на шесть, выпал проводник, выпал старик и зять его, испарились спиртные напитки. Рассказ, на мой взгляд, хуже не стал, хотя кое-что из выброшенного было несомненно хорошо. В Вашей воле, конечно, сейчас возмутиться и потребовать рассказ назад, но я Вам не советую это делать. Берегите силы, главные бои — впереди.

Сейчас я уезжаю в Москву, вернусь в середине февраля. Если у Вас будут какие-то замечания — пишите. Дело протянется еще долго — сборник планируется на 75-й год.

Я приехал из Москвы раньше срока. Мы там должны были кончить ту самую повестуху (вернее, ее черновик), которую Вы с таким нетерпением ждете в «Авроре». Но повесть эта нам так осточертела, до того нам ее было тошно писать, что вместо запланированных 10–12 дней мы закончили по-стахановски за 7. Теперь только отбарабанить чистовик (чем мы и займемся в конце февраля), и можно выбрасывать продукцию на рынок по демпинговым ценам.

Далее. Не надо хаять «Фокусника». Это, конечно, не лучший Ваш рассказ, но начинать с него, на мой взгляд, вовсе не стыдно (тем более, что с лучшего Вам все равно начать не дадут). И имейте в виду, что этот, столь презираемый Вами, «Фокусник» сияет на общем фоне сборника как звезда, если не первой, то, уж наверняка, второй величины. Мое приватное мнение состоит в том, что в сборнике есть две хороших повести и три хороших рассказа: остальное — дерьмо. Один из хороших рассказов — «Фокусник». Что же касается попадания в сборник «по знакомству», то я уже, кажется, писал Вам, что не знаю ни одного писателя моего поколения, вышедшего в люди другим образом. Рассказ обязательно должен понравиться кому-то из имеющихся на данный момент авторитетов, каковой авторитет и обязан похлопотать. Редактора ведь, к счастью, очень редко полагаются на собственное мнение, иначе в литературе нашей вообще царил бы ад крошечный.

Далее. Не помню, писал ли я Вам, что уже второй год веду семинар молодых писателей-фантастов при секции н-ф литературы ЛО ССП. Ходит на этот семинар человек 10–15 молодых авторов в возрасте от 25 до 65 лет. Читаем и разбираем рассказы и повести. Ребята считают, что это полезно. Так вот, я хотел бы на этом семинаре почитать что-нибудь Ваше — два-три рассказа из тех, что Вы мне прислали. Выберу сам — с таким расчетом, чтобы было максимально поучительно для прочих (у Вас есть то, чего нет у подавляющего большинства, — свежесть и раскрепощенность стиля). Для Вас пользы от этого много не будет, хотя Вы по идее получите стенограмму и сумеете ознакомиться с мнением Ваших коллег, — а некоторые из них являются вполне квалифицированными и достаточно тонкими ценителями. Однако, если устремить взор в отдаленные дали, то может проистечь и конкретная польза. Именно: Вас зачислят в иногородние члены семинара, и когда (если) удастся пробить сборник участников нашего семинара (а об этом уже

поговаривают), Вы займете в этом сборнике свое законное место. Перспектива, конечно, отдаленная и шаткая, но чем черт не шутит? Так что жду от Вас:

1. Принципиальное согласие на проведение указанной операции 2. Соображений относительно того, что именно прочитать, буде такие соображения у Вас появятся.

Со своей стороны я всячески советую Вам согласиться, плюнув на все прочие соображения, ибо после такой (согласен — не слишком-то приятной процедуры) Вы, житель Одессы, окажетесь в то же время как-то организованно оформленным в Ленинграде, а быть организационно оформленным не мешает никакому советскому автору, в особенности начинающему.

Дорогой Боря!

Получил Вашу бандероль. В этом полугодии заседание нашего семинара уже кончились, а вот осенью пуцу Ваши новые опусы по рукам. Думаю, не одному мне понравится. Конечно, следовало бы их куда-нибудь сунуть, но куда? Ладно, посмотрим.

С детгизовским сборником пока, кажется, все в порядке, если не считать того малоприятного обстоятельства, что нашу повесть оттуда, по всей вероятности, выкинут — есть намек из Центра, что не следовало бы, де. А Ваш «Фокусник» пока держится... тьфу-тьфу... чтоб не сглазить.

Спасибо за похвалы «Улитке». Мы ее тоже любим. Вообще, это, наверное, лучшая наша повесть, хотя любим мы больше «Гадких лебедей» (может быть, потому, что она до сих пор не опубликована?).

«Пикник» (вместе с «Малышом» и «Отелем») должен был выйти отдельной книжкой в изд-ве «Молодая Гвардия» еще в 72-м году. Как видите, не вышел и, судя по ситуации, не выйдет.

За рубежом нас переводят, и довольно активно. Главным образом, почему-то в Польше и в ФРГ. В этом году, например, успели выйти: «Отель» — в Болгарии, «Трудно быть богом» в США и в Польше. Все это дает кое-какие деньги, но очень небольшие.

Далее, Вы спрашиваете, «имеют ли члены семинара какие-нибудь права и обязанности, как начинающие?». Нет, не имеют. Более того, даже члены Союза писателей никаких особенных прав не имеют, если не считать права не служить (не иметь отметки в паспорте о месте работы) и при этом не считаться тунеядцем, права брать ссуды под договор и права покупать путевки в Дома Творчества. Впрочем, для всего этого достаточно быть членом так называемой профгруппы — это что-то вроде кандидатов в члены СП. Так что единственная реальная (хотя и весьма эфемерная) польза, которую Вы можете извлечь из оргоформленности в нашем семинаре, это то, что Вас будут знать люди, ведающие составлением сборников в Ленинграде. Ну, и то, что у Вас появятся знакомые коллеги.

С удовольствием прочитал Ваши «Производственные рассказы». Вы молодец. Конечно, они непроходимы. В них нет никакого «анти», они не представляют интереса для улицы Бебеля, но при всем при том они непроходимы.

Их нельзя, между прочим, назвать абсолютно непроходимыми. Скажем, если из N 1 выбросить кое-какие мелочи, вроде портрета дедушки, а сам рассказ ухитриться ужать до трех-четырех страниц — он, теоретически, вполне мог бы украсить собою 16-ю полосу Литгазеты.

Но это — теоретически. Практически они непроходимы просто потому, что их негде печатать. У нас нет редакций, где подобная стилистика была бы привычной — а ведь именно это определяет судьбу любого произведения. Привычность. Возможность соотнести с чем-то, уже опубликованным.

В этом — горе всех молодых ТАЛАНТЛИВЫХ авторов. Ибо что такое талант в литературе, как не новая стилистика? Но именно новая стилистика (не новая тематика, не новые герои, даже не новые конфликты!) в первую очередь настораживает редактора. Вот почему молодому так трудно выбиться. Талант проявляет себя, как правило, именно в новой стилистике. И именно новая стилистика оказывается главным камнем преткновения. «Ни на кого не похоже — значит, подозрительно, опасно, не стоит связываться».

Выводы: 1. Вы молодец. 2. Продолжайте в том же духе — смело и по-своему. 3. Рассказы эти пусть пока полежат. До лучших времен.

С «Авророй» и «Миллиардом лет...» имеет место путаница. Повесть, которую намеревается печатать (но неизвестно, напечатает ли) «Аврора», называется «Парень из преисподней». «Миллиард лет...» — это название повести, которую мы собирались написать, но пока еще не написали. (Как раз сейчас с ней возимся.) В редакции перепутали все на свете и рекламируют сами не знают что.

Дорогой Боря!

Имею сообщить Вам, что заседание семинара, посвященного Вашему творчеству, состоялось. Все прошло превосходно. Ребята приняли Вас на ура, чего я, честно говоря, даже не ожидал, ибо ребята злые и дотошные. Я прочитал «Дом» и «Чья планета». Сначала обсуждали и даже начали было вести протокол, но потом было решено, что кто захочет, напишет Вам сам. Я раздал Ваши рассказы по рукам, так что теперь ждите писем.

Вчера я был в Детгизе. Редактор Анна Ивановна Плюснина, сияя, сообщила мне, что Вы прислали ей исправленного «Фокусника» и что «получился очень милый рассказ». Акции поднимаются, Боря! Дело, по-видимому, на мази.

Как Вы правильно пишете, перед Анной Ивановной Вам надлежит стоять «смирно». Перед Сергеем Георгиевичем Жемайтисом, между прочим, тоже. Он — заведомо н-ф в изд-ве «Молодая гвардия», так что никому больше не говорите о нем в связи с черными дырами. Нажимайте лучше на пылающие бездны таланта и гуманизма в творчестве таких выдающихся литераторов, как. Впрочем, это тоже не поможет. Но зато и не повредит!

Получил Вашу бандероль. Прочитал рассказы. Что ж, хуже не стало — читал с удовольствием. Положил в папочку (Вашу) до лучших времен. Мой совет: не возвращайтесь сейчас к старым вещам до тех пор, пока это не станет совершенно необходимо (скажем, возникнет возможность напечататься). Никакой пользы от переделок для Вас не воспоследует. В Вашем возрасте проще написать новый рассказ, чем оттачивать старый. И гораздо полезнее.

В Детгизе возникла была паника: пронесся слух, что объем сборника сокращается на 8-10 листов и будут выкидывать иногородних. Я кинулся к Плюснинной. Оказалось, все верно, но Вас вроде бы она пока не намерена трогать («...рассказ маленький... десять страничек... пусть...»). Посмо— трим. Но лозунг прежний: надейся на лучшее, рассчитывая на худшее.

Наши дела в Детгизе по-прежнему неясны. Может быть, поможет тот факт, что «Аврора» все же опубликовала «Парня...». Опять же — посмотрим. Повесть эту я не люблю, но — деньги!..

Сплетня, Вами сообщенная, для нас — увы! — не новость. Вот уже года два мы слышим со всех сторон, что уехали или собираемся. Два года тщетно пытаемся найти источник этих слухов. Сколько нам крови испортили, сколько договоров затормозили этими слухами — ни в сказке сказать, ни пером описать!.. Прямо хоть объявления давай в Литгазету: слухи, мол, сильно преувеличены.

Сейчас кончаем новую повесть — «За миллиард лет до конца света». Ничего себе получается, по-моему. Пока я доволен.

Дорогой Борис!

Поздравляю с первой публикацией! Это, конечно не первая любовь, но тоже приятно.

В Детгизе дела пока обстоят благополучно. Очередной этап Вы тоже проскочили без потерь (производилось сокращение сборника на 15 %, в основном — за счет иногородних).

«Малыш» был опубликован в журнале «Аврора», кажется, в 71 году. Я эту повесть не люблю (так же, как и «Парня»), поэтому, наверное, ничего Вам о ней и не писал.

Дорогой Борис!

Прочитал Ваше письмо, прочитал Ваши рассказы, отвечаю.

Рассказы. Ну, во-первых, в папку я их все-таки положу, хотя они, и вправду, не фонтан. Далее. Нефантастический рассказ — будем называть его условно «юмореска» — имеет главным недостатком то, что при всех своих недостатках он еще непечатен. Вот этого, Боря, Вы не можете позволить! Если Вы уж пишете рассказ-не-ах, то он должен, обязан быть печатен. Это просто правило. Не имеете Вы права писать рассказы просто так. Тут или — или. Или Вы задумываете рассказ серьезно (т. е. в нем, по идее, и замысел, и частица Вашей души), и тогда Вы имеете право портачить, ошибаться, делать промахи. Тогда это полезно, для тренировки, скажем. Или же Вы задумываете рассказ-безделку, в коем по идее нет ничего, кроме какого-нибудь более или менее ловкого сюжетного выверта, — вот тогда, голубчик, пиша с холодной головой и холодным сердцем, извольте холодно рассчитывать: пойдет или не пойдет. В юмореске Вашей имеет место несомненная скабрёзность, очевидно непроходимая в наших реальных условиях (советские люди не занимаются такими вещами — по крайней мере, в юморесках). Эту юмореску, придумав, Вы не должны были вовсе брать в работу. (Хотя, конечно, есть в ней и определенная, уже присущая Вам милота, так что это — работа не вовсе на пропась.) «Вакуум» — посерьезней. Он в принципе, пожалуй, даже печатен. Но он мне не очень понравился. Может быть, потому, что я не совсем разобрался в Ваших аллегориях — то ли это совершенный примитив, то ли нечто глубокое, что пока до меня не дошло.

Возможно, мы и посвятим семинар Вашим последним вещам, но я думаю, что обсуждать будем, скорее всего, производственные рассказы — они интереснее. Впрочем, на ближайшем заседании намечается треп по общим вопросам: «Замысел, техника работы, сюжетообразование и пр.».

Еще несколько слов о «Производственных рассказах» и о Вашей полемике с Балабухой. Если бы в этих рассказах не было бы ничего, кроме ляпов (что, натурально, невозможно), и то Вы были бы правы в этой полемике, ибо написали ХОРОШИЕ рассказы. А рассказы ХОРОШИ потому, что создают мир, внутренне непротиворечивый, живущий своей жизнью, по своим законам и правилам, НЕ ВЫЗЫВАЮЩИМ протеста, не противоречащим, следовательно, чему-то главному, существенному, всем известному, чему-то гораздо более важному,

нежели та или иная частность. Конечно, хорошо, если НИКТО не способен придаться НИ К КАКОЙ частности рассказа, но это уже вопрос шлифовки, задача второго порядка значимости.

Теперь Ваши вопросы. На «Миллиард лет...» заключен с «Авророй» договор на этот год. Но в редакции повести еще не читали. Что будет, что случится и чем сердце успокоится, таким образом, не может предсказать никто.

«Сыт я по горло, до подбородка...», — конечно же, песня Володи Высоцкого. В оригинале повести имеет место сноска: «Текст песни В. Высоцкого слегка изменен с разрешения автора», что есть полная правда. В процессе перепечатки сноска эта, по-видимому, затерялась.

(Моя жена только что прочитала Ваш «Детективный дамский» — сидит и с удовольствием хихикает. Говорит: «Ну, смешно и все!..» Вокс попули, вокс деи. Может быть, мы с Вами слишком суровы к этой юмореске?)

16-го был семинар. Обсуждали Ваш «Производственный рассказ N 1». Получилось очень забавно: вдруг на семинар нагрянул не кто-нибудь, а лично Космонавт СССР, Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко! Он большой любитель фантастики, поклонник Ларионовой и Стругацких, узнал каким-то образом о семинаре и нагрянул. Инкогнито. Семинар был бурный. Обсуждение как-то нечувствительно свелось к терминологическому спору: какова разница между рассказом и фельетоном. Много было орано и крикано. Рассказ в общем всем понравился, и все же его ругали — кто за что. Народу было до черта. Космонавт высказался одним из последних и сказал очень здраво: чего вы все тут разорались? Пока рассказ читался, все хихикали, а теперь ругаетесь; рассказ веселый и хорошо написан, чего вам еще надо? В общем, это было выступление, хотя и непедagogическое (я от людей стараюсь всегда добиться здравого спокойного анализа), но вполне трезвое и здоровое. По окончании процедуры были собраны копейки (по тринадцатибалльной системе), и всего набралось 132 штуки. Народу было 24 человека, но некоторые новички, по-моему, остались не в курсе и баллов не внесли, так что я полагаю, средний балл получился что-то около 6,0 — весьма неплохо: второй или третий результат в сезоне.

Вот так. А копейки в соответствии с традицией были тем же вечером пропиты через посредство кофе. (Было предложение послать их Вам переводом, но большинство оказалось против, и я в том числе, ибо «гонорар» должен пропиваться немедленно.)

Дорогой Боря!

Большое спасибо за очередное горячее приглашение, но, право же, никак в этом году не получится! Честное слово, по горло в делах, причем в делах гнусных и раздражающих. Аркадий после гриппового осложнения плохо себя чувствует и уехал куда-то там «в глушь, в Саратов», а все дела — на мне.

По поводу сборника ничего ни нового, ни хорошего не слышно.

По поводу «Миллиарда лет...» — наоборот, слышно: в этом году печатать во всяком случае не будут, а в следующем... Там видно будет. В ближайшее время встречаюсь с редакторами на предмет выслушивания замечаний и претензий. Ничего хорошего, натурально, не жду.

Новостей никаких нет — во-первых, по причине летнего времени, а во-вторых, просто нет их и нет. Откровенно говоря, мне это совсем не нравится. Еще весной Плюснина обещала выслать Ваш договор. Раз не выслала, значит угроза быть выброшенным за иногородность по-прежнему над Вами висит. В сентябре буду снова звонить. Возможно, что-нибудь прояснится. Ох, Боря-Боря, главное — не утомляйте себя надеждами! Сок надежд ядовит и пагубен в наше шибко стохастическое время! В наше время писатель должен относиться к вопросам публикации в точности так же, как к игре в спортлото. И на устах его должна постоянно блуждать ироническая усмешка всепонимания.

Что касается публикации «Пикника», то упомянутая усмешка блуждает у меня уже не только на устах, но и по всему телу. Но — никакой свинячьей тоски! И тем паче — бельевой веревки, капроновой или, скажем, дедовской, волосатой. Этого удовольствия мы им доставлять не должны! Пить-есть пока имеется? Да, имеется. Друзья не поразбежались? Отнюдь. Даже наоборот. В семье все живы-здоровы? Пока да (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить)... Так чего же тебе еще надобно, смертный? Ах, ты еще и в спортлото хочешь выиграть по шести номерам?! Ну-ну... Тебе, значит, мало, что ты по пяти номерам уже выиграл: заполучил неизвестно почему и чьим отпущением божественную искру в так называемую душу. Тебе, паршивцу, еще надо по шести номерам выиграть: чтобы искра сия разгорелась всем вокруг видимым костром? Ну-ну, неблагодарный!..

Короче говоря, Боря, все равно надо работать. Десяток читателей — это тоже неплохо. Особенно, если учесть, что это не просто читатели, а, как говорят социологи, РЕФЕРЕНТНАЯ ГРУППА! То есть отборнейшая элита сочувствующих и сомыслящих...

Дорогой Боря!

С «Химией и жизнью» не спорьте. Просят дать им химию — дайте, от пуза. Трудно Вам, что ли? Журнал между прочим, в авторитете — один из лучших сейчас науч-поп журналов.

Нытье Ваше по поводу того, что, мол, плохо, с негодованием отмечаю как несущественное. Всем плохо.

«Миллиард лет» отложен на неопределенный срок. Сейчас садимся за новую повесть. Вы абсолютно правы: быть профессиональным писателем — это значит писать, писать, опять писать... всю дорогу навалом писать... И при этом с натугом держать хвост пистолетом.

Чего и Вам желаю, Ваш Б. Стругацкий

Дорогой Боря!

Получил Ваше письмо и тут же решил, что Вы в нем описываете одесский тайфун, и представил себе, как в ответ буду описывать ленинградский тайфун и как из нашей переписки родится новый Джек Лондон. А Вы, оказывается, о Володине...

Честно Вам признаюсь: незнаком я с Володиным и даже, пожалуй, ничего о нем не слышал. Впрочем, судя по всему, — человек хороший и полезный. Я буду очень рад, если он Вас как-нибудь протолкнет.

Рад, что Вы обрели душевное равновесие. Так-то оно лучше. Чем сунуть руки в карман и рвать на себе волосы. Работайте, и воздастся Вам!

С привычным удовольствием прочитал Ваше письмо и рассказ.

Рассказ хороший. Больше всего мне нравится, что он очень Ваш. Ни с кем не спутаешь. Это, голубчик, большое дело. Это — стиль! Люди годами пишут без всякого стиля — читаешь и словно вату жуешь. А Вы — одна пятилетка всего, может быть, и прошла, а уже — стиль. Молодец. Мне, правда, не понравился конец. Не люблю: а) когда герой сходит с ума, б) когда иностранцы какие-то (к Вам это, впрочем, почти не относится) и в) когда вдруг выясняется, что все в рассказе кому-то приснилось (к Вам это не относится совсем). Зато, впрочем, все это очень нравится редакторам — не знаю уж почему.

Рассказ имеет шансы на публикацию. Правда, при чем тут «Химия и жизнь»? Я бы сказал, что это рассказ скорее для «Знания — сила». Впрочем, Володину виднее.

Дорогой Боря!

Ужасно рад за Вас. И не тому даже рад, что Вы завязали там какие-то контакты с «Юностью» — я совсем не знаю Славкина, но неплохо знаю «Юность» и представляю, что это такое — иметь дело с журналом. А рад я тому, что Вы явно оживились. Чувствуется, как бурлит в Вас снова молодая южная кровь и поднимает ошикovanную ударами судьбы забубенную свою головушку Ваш природный оптимизм. Вот и хорошо, вот и прекрасно. Глядишь, — и напишите еще что-нибудь, переставши ныть и жаловаться.

Время мое до сих пор толком не определилось. Попытаюсь Вам объяснить, в чем тут дело. Мы связались с одним большим кинорежиссером — делаем ему сценарий. Он, как и полагается гению, капризничает — все ему не так. А что ему так, сказать зачастую не может. Поэтому порядок работы такой: мы пишем вариант сценария и даем его гению; гений читает, обдумывает, бранится, хвалит то, что ругал вчера и наоборот — и все это длится, к сожалению, неопределенно долго. Мы же все время должны быть на подхвате: как только гений раздражается наконец требованиями и рекомендациями, мы тут же съезжаемся и начинаем писать следующий вариант. Именно поэтому я начисто лишен возможности планировать свое время.

Надеюсь, Андрей сообщил Вам уже мое мнение по поводу тех черновиков, что Вы тогда оставили. Коротко: рассказы о Поляне — прекрасно задумано и может получиться, но Вы по-прежнему не видите конца и не знаете, куда и к чему вести события. Поймите, Боря: автор должен точно знать, о чем он пишет. Если он это знает, тогда можно составить представление о том, чем все должно кончиться (ибо конец — делу венец). А если известен конец, известно все (и в частности, сразу появляется критерий «важно — неважно»). Вы же пишете, как детишки рассказывают, захлебываясь, о событиях в детском садике — все важно, все интересно, и все никуда и ни к чему не ведет — поток жизни.

В Детгизе снова собирают сборник фантастики. Анна Ивановна заявила, что уж в этом сборнике Штерн будет обязательно. Посмотрим, посмотрим. Я вот попытаюсь подсунуть «Чья планета?». Авось.

Дорогой Боря!

Опять за свое? Опять ноете? Драть Вас некому! И нечего завидовать Рыбакову: он с первого класса пишет, целый шкаф уставил своими рукописями. И только последние два года у него стало получаться. Вот что такое труд. Плюс страсть, разумеется.

Рад, что «ХиЖ» берет «Фокусника». Но берет ли? Вот Плюснина тоже берет «Фокусника» — третий год подряд.

Киносценарий мы закончили, и он даже вроде бы принят. Но деньги еще не выплачены. Что-то будет?! Тарковский мотается по Средней Азии — ищет натуру... Посмотрим.

С фильмом Германа тоже ни хрена не понять. С одной стороны, он, казалось бы, формально принят. С другой — ленинградское начальство стоит горой против и требует вырезать то-то и сократить то-то. С третьей — в «КомсПравде» была превосходная, хвалебная и точная рецензия на этот фильм. С четвертой — высшее московское начальство должно посмотреть и сказать последнее окончательное слово... в общем, ни хрена не понять. А у Германа — жена на сносях, и родственники уехали в США, и нервы — как рояльные струны... Жуть!

Дорогой Боря!

Отвечаю на Ваше письмо с запозданием и кратко — дела!

Сын мой Андрей в институт не поступил — не добрал одного балла.

Писать он уже не пробует. В глубоком детстве пробовал и получалось очень забавно. Целый ряд имен, им придуманных, мы использовали в «Гадких лебедях» (Росшепер, Бол-Кунац, Роц-Тусов).

Сценарий для Тарковского мы закончили. Сценарий принят и даже оплачен. Дело вроде бы на мази. Тарковский намеревается приступить к съемкам в октябре. Но он сделал тридцать три замечания и пожелания, так что работы впереди — непочатый край.

Прочитал я исправленный вариант «Общего района». Стало, пожалуй, лучше, но я бы эту вещь все равно рассматривал как экспериментальную. Забавно, что Андрей Зинчук приехал от Вас очень тихий и без всякого гонора. Видимо, Вы его там хорошо проскипидарили! Он полон благих намерений и пишет сейчас сразу три повести, причем — сюжетные, без обычных фокусов.

Очень рад, что настроение у Вас бодрое и работа идет. Конечно же, стена не резиновая! Надо иметь терпение и настойчивость. Все это проходит по классу «трудно, но можно». (Знаете эту блестящую загадку? Что легко могут одолеть два мужчины, с большим трудом — мужчина и женщина, и совсем уж неспособна женщина?) А «Маска» мне не шибко понравилась. Хотя из того, что последнее время у нас публикуется, это, несомненно, лучшее. Лем — это Лем! Но в сравнении с «Солярисом» и даже с «Непобедимым» это, безусловно, безделка (если не сказать — подделка).

Дорогой Боря!

Рад был получить от Вас, наконец, письмо. Рад, что Вы работаете и что Ваши «кислые» настроения в значительной степени испарились. Правда, избыток кислотности все еще наблюдается в Ваших рассуждениях о «широких спинах Стругацких, загородивших-де все шоссе, не проехать, не пройти, мать их за ногу». Кому бы и жаловаться, да только не Вам с Вашим уже устоявшимся стилем, чертовски характерным одесским подь...цем, с умением увидеть смешное там, где смешного на самом деле — чуть. Если Вам (лично) кто и загораживает дорогу, то уж не Стругацкие, а скорее Шекли.

Да и можно ли на самом деле загородить дорогу? Почему Ньютон (или Дарвин) так далеко видели? Хрестоматийный ответ: ибо он, Дарвин (или Ньютон?) стоял на плечах гигантов. Что, в конце концов, такого сделали Стругацкие? Да они просто применили уэллсовские принципы к современной российской фантастике — так сказать, вскарабкались на спину гиганту. Вот и Вы займитесь.

Что «Юность» не возьмет Ваш «Дом», ясно было и ежу, причем с самого начала. За «Фокусника» у Плюсониной в свете публикации в ХиЖе не волнуйтесь: одно другому не мешает. Общее правило: журнальная публикация — не помеха публикациям в сборниках (исключение — альманах «Мир приключений», где, действительно, предпочитают брать ранее нигде не опубликованное, но зато здорово платят).

Семинар молодых в Москве, действительно, будет. От нас туда посылают Балабуху и Ларионову, как наиболее активно печатающихся. Пустят ли Вас туда? Думаю, что ДА, особенно, если воспользуетесь знакомством, скажем, с Володиным. А вот стоит ли туда ехать? На кой это Вам хрен? Чего Вы там не видели? Глубокое заблуждение, что путь в литературу лежит через семинары и совещания. Путь в литературу лежит через личные контакты с издателями. Из этой вот теоремы и исходите.

Тарковский собирается начать съемку в январе.

Дорогой Боря!

Задержался с ответом на Ваше письмо, так как получил, наконец, своего «запорожца» с полным комплектом хлопот, забот и развлечений. Телефон наяривает, на столе громоздятся нераспечатанные письма, а я знай себе подтягиваю разнообразные гайки или торжественно сползаю на брюхе (автомобильном, разумеется) в снежную канаву... Поэтому, сами понимаете, буду сейчас предельно краток.

По поводу «Рыбы». Орел. Молодец. Боевой петух! Очень хороший рассказ. Хвалю. «Подарить ему барана — он изрядно пошутил!..» Замечание: не всегда смешны и точны искажения вывесок... (Ч-черт! Хотел проиллюстрировать замечание изящным примером — не могу найти рассказа. Зинчуку я его отдал, что ли?) В общем, недостаточно точны, а потому и не всегда смешны. Второе замечание (предложение? совет? задание?): напишите еще один рассказ В ТОМ ЖЕ стиле. Если получится, значит, стилем (данным) овладели, а это — хороший стиль. Ваш. Дуйте с горы. Попытайтесь сделать (в этом Вашем стиле) что-нибудь для печати. СПЕЦИАЛЬНО для печати. Но — в этом стиле.

Кстати, получил соответствующий номер «Химии и жизни». Поздравляю. Неплохо. Не испортили. Повторяю — НЕ. Это уже хорошо и даже в каком-то смысле прекрасно. Научились исправлять, не портя. НЕ. Это — большое умение! Растете! Орел. Петух! Горжусь. (А чем, собственно? С самого начала было ясно: талантливый паренек, трудно ему будет.) С женой не ссорьтесь. Никогда. Нельзя. Вредно и для тела, и для духа. Меньше принимайте внутрь — количество ссор сразу уменьшится на 30 %. Больше юмора, значительно больше терпимости, на порядок больше нежности — и все станет ОК. Советую. Знаю. Сам ссорился как последний идиёт. Литература — дерьмо. Все книги, которые Вы напишете, не стоят дружбы с женой. Клянусь. Уверен.

О З. и его «Человеке...» Тыщу раз ему было говорено (З.): научитесь сначала рисовать — ногу, титьку, ж...у, — и только потом принимайтесь писать маслом и — тем более — заниматься разложением пространства в стиле Пикассо. В основе литературы — всегда реализм, умение написать титьку, ссору, пьяный разговор и увязать все это в единый сюжет, скрученный туго, наподобие каната. З. за его формальные упражнения — били, бьем и будем бить. Пусть сначала докажет, что умеет писать, как писали до него, а потом — ради бога! — пусть развивает классику дальше. Такова моя точка зрения. «Человек...» — это абстрактный

анекдот, растянутый на 50 страниц. Не потерплю! НЕ!

Дорогой Боря!

Последнее Ваше письмо настигло меня в больнице, так что сразу ответить я не смог. Неужели я ухитрился два месяца Вам не писать? Нет мне прощения. Но, вероятно, я замотался сначала, а потом заболел, а потом болел-болел да и угодил в больницу, причем сразу же — под нож. Вырезали мне гангреновый желчный пузырь, а заодно вышибли два передних зуба во время анестезии. Так что сейчас я снова дома без желчного пузыря и без зубов, но зато с огромным четвертьметровым шрамом на все брюхо (так называемый «разрез Федорова»).

Шрам почти уже зарос, но зубы еще предстоит вставлять. Работа, конечно, вся полетела к чертям. Бедный Аркадий в Москве отдувается за двоих.

Вот и все мои новости.

А за Ваши — пусть небольшие — успехи я рад (...или надо было сказать Вашим... успехам? Отвык от машинки — раньше пальцы сами набирали нужные обороты).

Вы меня удивляете своим приговором рыбаковскому «Доверию». Ей-богу, мне эта повесть очень понравилась. Я даже задумался: в чем тут дело? Вероятно, в том, что я, читая рукописи, мало слежу за деталями — меня более всего интересует общее впечатление. А общее впечатление было как раз сильным — новый, жестко написанный, необычный мир. Сильные страсти. Чувства, раздавленные долгом. Безнадежный конфликт. Все это мне по душе. За красотами и «красотами» стиля я и вовсе не следил — было бы правдоподобно, не резало бы слух фальшью — и ладненько. Конечно, я убежден, что там полным-полно работы для редактора, да ведь я-то не редактор! Имейте в виду, я ведь и Ваши вещи так же читаю: общее впечатление, отсутствие фальши — вот все, что меня интересует.

«Рыбу» я давал многим. Всем нравится. Хороший рассказ, но непечатный. Должен Вам сказать (не без издевочки), что нет ничего проще писать хорошие, но непечатные рассказы.

Тарковский начал снимать «Сталкера». По плану должен закончить в ноябре. А мы сейчас занимаемся исключительно сценариями: недавно в шестой раз переписали «Сталкера», а теперь возимся с новыми вариантами «Отеля» (для Таллинфильма) и «Трудно быть богом» (для студии им. Горького). В этом году вряд ли сядем за новую повесть. Возможно, — в будущем.

Сто раз я Вам намекал: не присылайте Вы мне реалистических рассказов, не умею я их судить! Ну что мне с Вами делать? Ну, рассказы, ну, два, ну, из жизни... Ну, ничего вроде... особенного... Ни то ни се... Ну, не Чехов. И Хемингуэй не. И вообще много не. Ну, попадись мне такие рассказы в «Новом мире» (в новом), ну, прочитал бы, ну, хмыкнул бы одобрительно... Удовлетворяет Вас такой отзыв? Ведь нет? Вялые они какие-то, вот что. Перчика нет. Ваш перчик — юмор и поворот сюжета. Нет ни того ни другого, и получается что-то нештерновское. Хулиганства в них нет. Зато ощущается некая мораль, что тошнотворно. Словом, как экзерсис я это понимаю, как готовые вещи — нет. Хотя могут быть и напечатаны! Но — зачем?

Огорчил я Вас, наверное. Даже самому как-то мношно. Но ведь говорил же: не присылайте мне... Впрочем, «Рыба» ведь тоже реалистический рассказ. Или нет? Или рассказы бывают: фантастические, реалистические, юмористические, сатирические... Черт его знает. В «Рыбе» есть хулиганство, воля автора, свобода. И никакой морали. Есть в ней что-то от Воннегута, которого я очень люблю. Любит людей и постоянно издевается над ними. Это великое искусство: издеваться, любя. По сути, это умение издеваться над собой. Самому себе морали не прочтешь. А издеваться над собой научиться можно.

У меня дела так: фильм снимается, но медленно и трудно; в издательствах — тишина, пыль, редактора пьют чай и делают бутерброды с сардинками, замасленными руками осторожно и с отвращением перебрасывают листки никому не нужных рукописей; «Пикник» не появится никогда, будь они трижды неладны; ощущения владельца «Запорожца» те же, что у мужа женщины, страдающей кровотечениями — ездить можно, но не слишком часто, не очень долго и с большими предосторожностями, ибо запчастей не хватает (очень, кажется, неприлично получилось, но, Вы знаете, весьма похоже).

Повесть Вы написали приятную. На крепкую четверку. Восторгов она не вызывает, но читается с удовольствием. Буду давать ее читать направо и налево.

Недостатки, разумеется, имеют место, но их довольно трудно конкретизировать. Например, у меня осталось четкое ощущение, что временами стиль нарушается и вместо очаровательной хохмаческой трепотни начинает переть какая-то псевдореалистическая тягомотина (переживания, психология и пр.) На самом деле, мне следовало бы сесть с пером в руках и отметить скрупулезно такие вот места, но, во-первых, лень, а во-вторых, неохота заниматься мелочами. Главный недостаток повести таким способом не устранишь. Он состоит в том, что Вы написали повесть там, где материал есть только для рассказа.

Посудите сами: стержень всего — обнаружение каната на полюсе и объяснение этого феномена. Т. е., имеем историю о том, что на некой планете была такая вот легенда, герой-ученый добрался до полюса, чтобы легенду развенчать, а оказалось... и т. д. Это — типичный рассказ, причем, по определению, хохмаческий. Вы же завернули вокруг этой нехитрой (хотя и приятной, не спорю) хохмы целое повествование, придумали сложный мир, развернули систему социальных отношений, тут и любовь, и трагедия драконьего племени, и черт в стуле. Читать все это интересно и приятно, не возражаю. Но прочитав, неизбежно задаешься вопросом: ну и что? Если бы это был рассказ на 15–20 страниц, такой вопрос не возник бы. Просто не успел бы сформироваться. А здесь — целый мир, и ждешь, что это все зачем-то будет нужно, что НЕ зря автор разворачивает перед нами целую социальную панораму. А оказывается, что весь этот «Капитал» создан для того, чтобы объяснить насчет каната. Несерьезно. Представьте себе, что «451 градус по Фаренгейту» кончается так: «Академик Уебл выключил рубильник. Да, этот вариант мира не проходит, подумал он. Надо искать другие пути». А? Вот тошнота-то!

Кроме того, повесть в наше время значительно труднее пристроить. Я уже имел беседы. Морщатся: «По-овесть! Вот если бы рассказ!» Мать Вашу за ногу, Боря! Вы же превосходный новеллист. Вы же могли бы стать вторым Варшавским. Какого хрена Вы лезете заниматься повестями? Ну, потерпите Вы два-три года! Напишите 10–20 хороших хохмаческих рассказов, а потом уже возьметесь за большие формы.

Вот сейчас есть шансы попасть в один из трех (!) сборников. И

езде нужны рассказы. Причем именно в Вашем стиле — забавные, остросюжетные, с неожиданным поворотом. А Вы шлете повесть. «Чи планеты» надо писать! Штук пять-десять! Вот тогда народ скажет Вам «спасибо» и осыплет Вас зелененькими.

Ну, как это у меня все получилось? По голове? Или значительно ниже? Не огорчайтесь. Повесть получила крепкую четверку, но я-то от Вас жду рассказов на крепкую пятерку с минусом.

В общем, хватит трепаться. Даю Вам задание. Серия рассказов на темы: «Различные варианты контактов человека с иным разумом»; «Различные удивительные свойства, которые приобретает ни с того ни с сего герой (умение становиться невидимым, умение читать задницей, умение понимать язык животных и т. д.)». Время действия: произвольно. Место действия: некая капстрана или далекая планета. Действуйте. Об исполнении докладывайте.

Дорогой Боря!

Рад Вашему письму, ибо оно оптимистично. Намерение писать серию с майором и роботом категорически одобряю и санкционирую. У Вас это должно получиться.

Повесть хаает зря. Повесть хорошая. И вполне Ваша, ни с кем не путаешь. Писание на заказ здесь явно ни при чем. Просто, повторяю, Вы ее не сумели композиционно выдержать. Рассказ на ту же тему у Вас получился бы на «пять», а так — «четверочка». (Моя мама, старая опытнейшая учительница, всегда говорит: «Четверка — хорошая отметка», и я с ней вполне согласен.) Три сборника, о которых я Вам писал, это: 1. Очередной альманах «Мир приключений»; составитель В. Ревич; уже составлен, и говорить о нем (об альманахе) поздно. 2. Очередной сборник НФ; составитель Ковальчук; об этом Вы уже осведомлены, перестаньте валять ваныку и ОБЯЗАТЕЛЬНО что-нибудь туда дайте. 3. Сборник сочинений участников нашего семинара, членом коего и Вы имеете честь состоять; составитель — Жанна Александровна Браун, детская писательница, член СП, уже год ходит к нам на семинар, прониклась к ребятам любовью и сочувствием, лично пробила этот сборник в Лендетгизе; я предложил ей «Чью планету», скорее всего — пойдет.

По поводу «Чьей планеты»: Ж. Браун предложила, чтобы планета была Землей (соответственно майор — житель иной планеты). Я не вижу, чтобы это ухудшило рассказ. А Вы?

Мы пишем сказку. Черновик уже написали. Будем ли писать чистовик, не знаю. Главная работа — кино. Только что уехал от меня режиссер из Таллинфильма. Замучил меня и загонял, но добился, чтобы я перевел действие «Отеля» из зимы в лето. Бр-р-р! Ну и работенка! А Вы еще смеете мне что-то там гундеть насчет «заказной работы», «заданной тематики» и пр.

Присылайте переделанную «Чью планету». Собственно, можно прислать только сами вставки-переделки, а уж мы впишем. Спешить с этим особенно не нужно, но и тянуть это дело не след.

Между прочим, Ваша повесть понравилась Ж. Браун. Помоему, она даже подумывает, а не включить ли ее в сборник. Главное ее возражение совпало с моим: концовка не соответствует разгулу фантазии. Я ей посоветовал придумать другую и предложить Вам. А я, к сожалению, придумать другую концовку не могу.

Еще раз между прочим: если будет возможность засадить «Чью планету» в какой-нибудь журнал, — обязательно засаживайте. Сборнику это не мешает.

Дорогой Боря!

Вы молодец. «Чья планета» стала даже лучше. Теперь это рассказ першого классу. А, может быть, даже — люкс!

В ближайшее время я передам его Жанне Браун, и можете быть спокойны: будет сборник — будет в нем ЧП (в смысле — «Чья планета»). Надо сказать, сборник собирается довольно туго. Братья-фантасты много кричат о том, что им негде печататься, а когда дело доходит до дела, выясняется, что в закромах пусто, либо одна прошлогодняя солома. Впрочем, пять хороших рассказов уже есть. Повесть надо! Гвоздевую!

Рассказик очень милый. Серия такого рода может вполне получиться. Но я не совсем понял, что же там происходит со временем, в этом табачном отсеке. Вы там что-то лепечете насчет замедления времени. Это — чушь собачья. При чем здесь замедление времени? Скорее уж, в этой камере время передвинуто вперед, так что все предметы, туда попадающие, выглядят так, как выглядели эн часов назад. Причем, только ПРЕДМЕТЫ, людей это не касается, иначе инспектор вместе со своими штанами оказался бы в прошлом и ничего бы не соображал... А робот, кстати, предмет или разумное существо? Гм... Да и это объяснение, пожалуй, не проходит: чтобы камера была пуста, надо передвинуть время (вместе с табаком) так далеко вперед, чтобы в отсеке настал момент, когда табак туда еще не загрузили. А что было в это время со штанами инспектора? Может быть, их еще и не надевали даже? Н-да... Напутали Вы что-то, голубчик, извольте распутать. В хохмах такого рода главное — безукоризненная точность посылки.

И рад бы удовлетворить Ваше вполне законное любопытство, да сам толком ничего не знаю.

По поводу премии за «Пикник». Да, есть такой слух. Парнов, член нашей делегации на форуме фантастов в Дублине, рассказывал что-то Аркадию по приезду в Москву. Но поскольку оба были под газом, то ничего понять теперь нельзя. Боря Заикин, впрочем, со слов Эрика Симона написал мне, что «Пикник» получил вторую премию за лучший НФ роман года на ежегодном конкурсе памяти Джона Кэмпбелла. Первый приз получил Ф. Пол за роман «Звездные ворота», а третий — Дик. Вот все, что я могу на эту тему сообщить. Поскольку Парнов тоже говорил о какой-то «второй премии», то мы особенно-то и не интересуемся. Мало ли на свете вторых премий. Честь не велика, а денег и вовсе не предполагается.

Насчет «Сталкера» опять ничего толком не известно. Как я Вам уже писал, Тарковский в апреле подхватил инфаркт. Теперь он, по слухам, оклемался и — по слухам же — даже снимает фильм. Во всяком случае, в Москве его нет, он в Таллине. Не думаю, чтобы фильм был запрещен. Мы бы, наверное, уже знали об этом. Сам же Тарковский нам об этом, наверное, бы сообщил.

Зато могу сообщить Вам с полной точностью, что фильм по «Отелю» таки снимается на Таллинфильме, и я, возможно, даже туда днями смотаюсь посмотреть как и что.

«Волны» в писательской деятельности — это факт. Нас двое, поэтому мы эти волны дружно гасим: съехались, деньги на билет истрачены, а то и на путевки в Комарово — окупать надо! Какие уж тут волны. Пять страниц первого черновика в день — умри, а дай. Первый наш «тяжелый» роман был «Попытка к бегству», а потом их стало навалом. И «Улитка», и «Малыш», и «Парень», и «Сказка о Тройке»... Всех не перечислишь. Писать, знаете ли, вообще занятие не из приятных. Впрочем, Вы теперь это, слава богу, знаете.

«Подлый треп» ходит, видимо, по всему Союзу. На этот раз удалось даже установить источник — верхи Госкино. Что заставило больного начальника на одном из расширенных заседаний ляпнуть этакое, — неизвестно. То ли добросовестное заблуждение, то ли желание подкузьмить таким образом Тарковскому, фильм коего был тогда (декабрь 78) как раз на подходе. Так или иначе, в январе вспыхнули слухи — сначала в киномире Москвы, потом по всей Москве, а потом поползло и по всей стране. В марте вот докатилось и до Вас. Сейчас в Москве и Ленинграде слухи уже затихли и наступила тишь-гладь, но с периферии нет-нет, да и сообщат, что-де все, уехали голубчики, тю-тю. Плюйте в глаза и не давайте утираться.

В остальном же все ОК. Тарковский закончил фильм, говорят, хороший. В ряде газет появились наши имена в благожелательном духе. Так что — живем.

Сочувствую Вашим бедам. Но все-таки старайтесь не бросать работу. В конце концов — «единое счастье — работа...».

Дорогой Боря!

Ваш рассказ более всего напомнил мне мастерски рассказанный, неприличный, но в общем-то остроумный анекдот. Слушаешь, заливаешься хохотом (рассказчик — мастер!), с некоторой неловкостью поглядываешь на плюс-десь-дам, а потом спохватываешься: что же тут, собственно, было смешного? Понимаете, Боря, Вы — мастер, Вы — умелец, у Вас — стиль и манера, какой более ни у кого в России нет. Но (такое у меня впечатление) Вы так и не научились пока отличать хороший сюжет от среднего. Это поразительно. Вы второй в моей коллекции ТАЛАНТЛИВЫЙ писатель, постоянно путающий (когда речь заходит в сюжете) божий дар с яичницей. Ну как может человек со вкусом строить повествование на чисто казанцевской идее оплодотворения Земли, да еще припутывать сюда зачем-то хроноклазм? Или это пародия? Для пародии слишком громоздко. Хотите показать читателю гигантский Никс Олимпиа? Но зачем? Чем он бедняга, виноват?! И вообще к чему такой эксибиционизм?

А ведь написано-то мастерски! И смешно, и изящно, и лаконично, и — ни о чем. Уму непостижимо!

Вы бы хоть обсуждали свои сюжеты с кем-нибудь, что ли. Ведь написали же Вы «Чья планета?», и «Рыбу любви» Вы написали — блестящие, точеные сюжеты... Или, скажем, «Дом»... И вдруг — такая бодяга. Да еще, видите ли, ему этот рассказик особенно важен. Чем? Чем он Вам ОСОБЕННО важен? Извольте написать, а то ведь я ничего не понимаю.

Что касается Тихова, то это любопытная фигура. К сожалению, в те поры я-то был полный идиот, ничего не понимал и не воспринимал. Остался у меня в памяти этакий кино-ученый — интеллигентнейший старикашка, весь в белом, в белой академической ермолке, с белой эспаньолкой, все его вокруг боятся, и любят, и смотрят на него как на бога, а он берет нас, первокурсников, с собою на наблюдения Венеры (это была последняя из его идей — снимать спектры мерцания заходящей Венеры, используя земную атмосферу как гигантскую призму)... да, так вот, берет он нас на наблюдения, сидим тихонько в темном уголку башни, он колдует у телескопа, Ваня Бухман (был у него такой на подхвате, мастер спорта по спортивной ходьбе, сын ссыльного профессора Бухмана, который — профессор, а не сын — на территории обсерватории построил гелиожилище, гелиопогреб и гигантский зеркальный параболоид для лечения

страдающих концентрированными солнечными лучами... однажды этот параболоид самовозгорелся... впрочем, это длинная история)... так вот, Ваня Бухман ему ассистирует, и что-то там у них не ладится, заедает там у них что-то, и старик вдруг орет на всю Алма-Ату: «Ну что ты, Ваня, вертишься, словно у тебя шило в жопе!»... Академик. С европейским именем. Член Верховного Совета КазССР. Это, помнится, произвело на меня огромное впечатление.

И еще помню, как справлялось там его семидесятилетие. Очень, кстати, скромно. Только свои. Человек пятнадцать: парочка родственников, пяток научных сотрудников обсерватории, несколько практикантов, шофер, садовник и повар, испекший торт с кремовой надписью: «Гавриилу Адриановичу от влюбленных мОрсиан». Вот вопрос: почему так скромно? И почему вообще академик, один из основателей и столпов Пулковской обсерватории, ученый с европейским, повторяю, именем оказался вдруг в Алма-Ате директором занюханнейшей обсерватории? Правда, в те годы многие там оказывались... Но ведь он был, повторяю, членом Верховного Совета КазССР, он всегда носил красный флажок в петлице... Странно, странно... Так вот, там я, будучи практикантом, надрался как зюзя, произносил какие-то витиеватые тосты, на каковые Г. А. ответил академическим тостом: «За хорошеньких девушек и за пьяных студентов!»

Вот и все мои воспоминания. Наука тогда меня интересовала больше, чем люди науки, кто бы они ни были.

Надо сказать, работ Тихова я почти не знаю. Классическими признаны полученные им на 26ти-дюймовом телескопе Пулковской обсерватории фотографии Марса в начале века. Именно сезонные изменения Марса на этих фотографиях и толкнули его потом к астроботанике. Он много занимался спектрографией. Но ничто из сделанного им в учебники не вошло, и имя его встречается только в историческом плане, что-нибудь вроде: «Метод призменного спутника Тихова... состоит в следующем... в настоящее время применяется редко». Однако же в двадцатые и тридцатые годы Тихов — несомненно человек в авторитете, а потом что-то произошло...

Вот и все о Тихове.

Я рад, что Вы не сдаетесь и продолжаете работать. Жду Ваш роман. И будьте, пожалуйста, попридирчивее к сюжетам.

Дорогой Боря!

Не морочьте мне (и себе) голову и не втягивайте меня (и себя) в теоретические споры. «Чья планета?» — это рассказ о том, как на одну планетку претендовали разные цивилизации, а пока спорили, планетка сама вышла в космос. «Дом» — это история живого дома, который принимает посильное участие в жизни своих жильцов. А вот о чем Ваша «Никс Олимпиака»? О том, что жизнь на Земле произошла вследствие совокупления Марса с Землей в условиях хроноклазма? Оргазм с хроноклазмом — и более ничего! Я ругал Вас не за то, что в рассказе нет ИДЕИ — да гори она огнем. Я ругаю Вас за отсутствие сюжета! И в «Каштанке» есть сюжет, и в «Колобке» есть сюжет, а Вашем «Оргазме» — нет. Есть довольно произвольный набор событий (в том числе смешных), нанизанных на казанцевскую бредятину. И никакого противоречия в моих словах нет. Да, я хихикал, пока читал, да, я наслаждался (местами) и образностью, и языком, да, эмоции мои работали, но... Но! Я, как и всякий нормальный читатель, ждал: как автор выберется из созданной ситуации? И — пшик. Чушь. Не смешно. При чем здесь?.. Зачем ему понадобилось?.. Экая ерунда. Вот как развиваются читательские эмоции по мере чтения. Представьте себе, что «Чья планета?» обрывается в том месте, где три (или уже четыре?) экипажа спорят, кому ставить бакен, и дальше идет: «Бел Амор проснулся и устался в потолок. Ну и чушь же снится после хорошей выпивки, подумал он». А? Что, блевать побежали? То-то же. Заметьте, что стоит у рассказа отбросить пяток последних строк и заменить их какой-то чушью, чтобы рассказ сразу же стал ни о чем! Мгновенно!

Вы хотели написать о писателе-фантасте? Что ж, это мысль. Гор всю жизнь пытался это сделать, но так ни хрена и не сумел. Пишите. Дай бог. Но за основу возьмите «Рыбу любви». Очень интересно может получиться. Используйте такой прием: герой Ваш пишет, и его затягивает в им же написанные обстоятельства. Правда, мы что-то вроде этого использовали в нашей последней повестухе, но там этот прием почти не виден, а Вы сделайте его стержнем. При Вашей фантазии, да при Вашем стиле, да при Вашем желании похулиганить — ах, какую повестушку можно было бы сделать! А в самые критические моменты появляется редактор и сурово говорит: «Нет, это не пойдет... это вы уберите...» — герой остается жив, хотя через задний проход его уже проникли особые разумные существа, цивилизация коих

имеет целью превратить все говно на свете в конфетку...

И помните: я жду от Вас великих дел. Вы еще не только не написали Вашего Магнус Опуса, но и не приступили к нему.

Дорогой Боря!

Спасибо за письмо, исполненное оптимизма. Оно живо напомнило мне письма брата моего и соавтора в те благословенные годы, когда мир был еще молод и фантастика расцветала пышным цветом. Тогда письма его тоже были бодры, энергичны, полны перспектив и боевого задора. А сейчас он вообще норовит больше звонить по телефону, а не письма писать.

Вообще, мне кажется, что пишете Вы все-таки мало. Какого черта? У Вас норма должна быть сейчас — шесть рассказов или одна повесть в год. Где все это?

У нас сборник наконец вышел семинарский. «Синяя дорога» называется. Тот самый, откуда выкинули повесть Пращкевича, литобзор Вл. Гакова и рассказ «Чья планета?» Штерна. Так-то вот. Сборник от этой ампутации лучше не стал.

Интересно, удастся ли мне когда-нибудь, пусть хоть в глубокой старости, выпустить сборник лучших произведений советской НФ, как я его себе представляю? Вряд ли. А жаль. Штерну там нашлось бы местечко. Но, между прочим, не такое уж и большое. «Произв. рассказ N 1» да «Чья планета?», пожалуй, пока и все. Или я что-нибудь забыл? «Рыбу любви» помню и люблю, но ведь это не фантастика.

Писать надо больше, вот что!

Дорогой Боря!

Вообще-то я писать Вам не собирался — времени нет совершенно, — но вот приспичило.

ЗАДАНИЕ. Пришлите мне немедленно список Ваших произведений, опубликованных в ЦЕНТРАЛЬНОЙ прессе. Главным образом, я имею в виду Ваши рассказы в ХиЖ, но, может быть, и еще где-нибудь что-нибудь было, а я пропустил (или прозевал).

ОБЪЯСНЕНИЕ. Это мне надо для осуществления некоторых моих замыслов.

Теперь о Ваших Одесских рассказах. По-моему, это удачно. Все удачно. И мысль хороша: этакая живительная каша фантастики и реализма. И исполнение (пока) вполне на уровне. Я тут сгоряча даже и «Рыбу любви» раскопал в анналах и перечитал — вполне ложится в замысел и даже ОЧ. ХОР, Поздравляю с находкою. Жду «Галатею». Что это за «Галатея» такая? Почему не знаю?

Прочитал в ХиЖ про фаллос. Нет, Вы все-таки молодец. Рассказ, как это ни странно, мне понравился (в рукописи — не очень). Еще поразительнее, что он понравился многим моим друзьям, среди коих есть и весьма суровые ценители. Меня спрашивали: «В ХиЖе... твой что ли написал?» И я не без гордости говорил: «Ага». А мне говорили: «Хорошо... Ей-богу, хорошо... Давно такого удовольствия от чтения фантастики не испытывал».

Предисловие я Вам, скорее всего, напишу, хотя и не люблю этого дела. А вот что я Вам напишу с удовольствием, так это рекомендацию в СП. Дожить бы только.

«Галатею» Вашу прочитал немедленно. Оч. хор. Штерн есть Штерн. Но какой дремучий дундук мог вообразить себе, что такую новеллу можно напечатать? Господи! Сколько же надо лупить человека по башке, чтобы он все-таки начал разбираться, что можно, а что нет? Впрочем, иногда лучше не разбираться. Более того, с точки зрения Большого Искусства — вообще лучше не разбираться и быть дремучим, как булгаковские герои-писатели. Тут так: или ты очень хорошо разбираешься, тебя печатают, но получается у тебя дерьмо, либо — ни хрена ты не понимаешь, ничего у тебя не берут, но зато пишешь ты здорово, для потомков. Истина посередине — как всегда неплохо устроилась между двумя крайностями.

Вашу зубастую ярость против сволочей можно только приветствовать.

Однако, бушевать Вы должны исключительно за письменным столом. Валяйте. А мы почитаем. И только так. Все прочие пути ведут в болото дряг, взаимных доносов, скандалов, псевдополитической возни и т. п.

Пробовали ли Вы такие журналы, как: «Энергия»? «Изобретатель и рационализатор»? «Наука и религия»? Названия жуткие, но во всех этих журналах либо новое начальство, либо мои знакомые, либо и то и другое. Так что следует попробовать. Если решитесь, напишите мне. Я набросаю тогда коротенькую сопроводилровку. Глядишь, и будет толк. На всякий случай прилагаю рекомендательное письмо Станиславу Грачеву — главреду «Изобретателя и рационализатора».

В ХиЖ предлагать нам пока нечего. Будем иметь их в виду. Но вообще-то, следующая наша вещь (судя по всему) будет готова нескоро.

Надо сказать, журналы наши сейчас (в связи с безлимитной подпиской) оживились чрезвычайно. Предложения сыплются со всех сторон. Фантастика снова становится в моде. Не теряйте случая!

22.11.86

Делать прогнозы на год вперед, как известно, гораздо труднее, чем на век вперед. Особенно в переломные моменты истории. А мы, видимо, переживаем именно такой момент. Сейчас неясно даже, сохранится ли существующая тенденция.

Во всяком случае, не обольщайтесь, с одной стороны, и не теряйтесь, с другой. Сейчас время, когда ф-ку будут брать жадно самые разные журналы, причем — самую разную ф-ку!

Дорогой Боря!

Я получил Вашу книжечку. Спасибо!

Вот и еще один птенец оперился. Летите, голуби, летите... Да книжечка-то какая хорошенькая! Прямо-таки покет-бук.

Поздравляю! Нехай не последняя!

Еще раз спасибо.

Всегда Ваш Б. Стругацкий

29.07.87

«Обыскав своих подвалов и шкафов перетряся», я обнаружил кучу Ваших рукописей. Практически все они опубликованы. Только две рукописи под сомнением: «Рыба любви» и «Дело — табак». Если они нужны, могу выслать. А больше у меня ничего нет.

В чем дело? Сядьте и напишите. Вы же молодой человек! Сюжеты и идеи должны кипеть в Вас, как газировка!

Я прочитал «Шестую главу». Вы — молодец! Очень хорошо. Пять баллов. На мой взгляд, это даже лучше «Динозавра», а ведь «Динозавр» — это вершина! Замечаний, сколько-нибудь существенных, у меня нет. Кое-где Вы в своих шутках опускаетесь до уровня КВН, но это, в конце концов, не такой уж и плохой уровень. А в остальном — все ОК.

Разумеется, я отнесу эту вещь в «Звезду». И разумеется, «Звезда» от нее уклонится. Скорее всего. Беда в другом: если она даже и возьмет вещь, то, говоря реально, повесть выйдет не раньше мая-июня, а скорее всего — июля следующего года. (И даже это утопия — год уже разверстан, туда можно втиснуть рассказик или статью, но трехлистную повестуху — вряд ли.) И тем не менее повесть я им отнесу. Я буду приучать их к мысли, что хорошую фантастику надо брать с колес, если они не хотят остаться с носом.

Однако рассчитывать надо на другое. Я намерен предложить эту повестуху в подборку к «Динозавру» в Ваш сборник, который должен (по плану) выйти в марте-апреле в кооперативе Коли Ютанова. Во-первых, это вполне реально, а во-вторых, это, пожалуй, самый быстрый путь из всех, которые я могу сейчас себе представить. Если Вы не возражаете, скажите «да» Коле Ютанову, когда он будет Вам звонить.

«Рыбу любви», разумеется, я тоже отнесу в «Звезду». Жалко, что подборка «Одесские рассказы Б. Штерна», видимо, так и не осуществилась.

Я полагаю, будет правильно, если вообще все Ваши рассказы о Бел Аморе скопятся у меня. Дело в том, что ОТДЕЛЬНО Ваш рассказ про говно печатать, по-моему, невозможно — это будет просто беззастенчивый эпатаж и более ничего. А вот в некоем общем сборнике Штерна, где будет множество разных сочинений да еще плюс к тому — полная подборка рассказов о Бел Аморе, — в таком сборнике «говно» Ваше будет смотреться совсем иначе и почти прилично («Сойдет за мировоззрение», — как говаривал один мой знакомый режиссер). Так что — организуйте. Повезет — пустим такой сборник в этом году, не повезет — в следующем. (А если бы Вы написали ЕЩЕ парочку одесских фантастических рассказов, так вот это было бы самое ТО.) ИТАК: организуйте для меня сборник Штерна, куда войдут фантрасказы его по Вашему выбору, но обязательно ВСЕ рассказы про Бел Амора и ВСЕ рассказы про Одессу (хорошо бы добавить туда же и что-нибудь новенькое). Общим объемом этак на 12–15 а. л. (Можно в виде рукописей, можно и в виде выдирок из журналов-антологий.) Договора-аванса пока не будет: я должен все-таки понять, на каком я свете, но через 6–9 месяцев все, я полагаю, проявится окончательно, и уж тогда...

Автобиография вполне мила. Мы ее сунем либо в ютановский сборник, либо в тот, который Вы сейчас же начнете собирать.

Издательские дела — повсеместно — швах. Планы сворачиваются или как минимум меняются: оказывается, книжно-торговая мафия не желает брать (оптом) советских фантастов — дай им, гадам, иностранщину и вообще лучше не фантастику, а порнографию. Поэтому мое издательство, отложив выпуск намеченных хороших книг, срочно гонит всякие там «Империи пауков», чтобы заработать и запасть деньгами на будущее. Нечто аналогичное происходит и с Ютановым. Видимо, нам уготованы муки и скорпионы и в условиях рынка тоже. Увы.

Держитесь.